ВЕРА ПАНОВА

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ И ТАНЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ", МОСКВА · 1983

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Сегодня ты прочтёшь рассказ замечательной советской писательницы Веры Фёдоровны Пановой о блокадном Ленинграде.

В первые месяцы Великой Отечественной войны фашистам удалось подойти близко к Ленинграду и окружить его, отрезать на суше от всей страны. Для сообщения с Большой Землёй оставался только один путь — по Ладожскому озеру. Фашисты намеревались уморить ленинградцев голодом и холодом, и сам город разрушить артиллерийскими обстрелами и бомбёжками.

900 дней оставался Ленинград в блокаде. Не было воды, не было электричества и отопления. В самые трудные месяцы ленинградцы получали в день лишь по кусочку хлеба величиной с детскую ладонь. И всё время на город падали бомбы и снаряды.

Но Ленинград не сдавался. Советские солдаты вместе с жителями города героически сражались с фашистами.

Вся советская страна помогала ленинградцам. По Ладожскому озеру — летом на баржах и судах, зимой на автомобилях по льду — везли в Ленинград продовольствие, лекарства, боеприпасы. Обратными рейсами увозили детей и стариков, раненых бойцов.

В январе 1943 года наши войска прорвали блокадное кольцо, в Ленинград пошли поезда. А через год фашисты были разбиты и далеко бежали от Ленинграда.

Много лет прошло с той поры. Великая Отечественная война закончилась нашей победой. Ленинград залечил свои раны и стал ещё прекрасней. Но и теперь мы не перестаём преклоняться перед мужеством ленинградцев, их стойкостью, прекрасными добрыми сердцами.

В одном из научных институтов Ленинграда работают Сергей Иванович и Таня. У Сергея Ивановича волосы, особенно над ушами, почти совсем белые, а у Тани голова красная, как морковка, и вообще они очень разные.

Сергей Иванович — учёный. Он написал много научных книг. А Таня занимается в институте тем, что присматривает за белыми мышами, которые содержатся в лаборатории для опытов. Она надзирает, чтобы мыши вовремя были накормлены, не кусали друг друга и чтобы их не тронул кот Зайка, который тоже служит в институте и даже получает зарплату. Он получает её за то, чтобы отпугивать противных крыс от маленьких беленьких мышек с красными глазками.

Сергей Иванович носит на груди колодочки с орденскими ленточками. Таня носит на груди кусок янтаря, оправленный в серебро.

Если Сергею Ивановичу скажут, что вышла новая интересная книга, он бежит её искать и не успокоится, пока не купит. Таня книг читает не очень много, её больше интересуют журналы мод.

Вот такие они непохожие люди, Сергей Иванович и Таня. И потому все сотрудники удивились, увидев, что они дружат между собой. И как дружат!

Вот, например.

До обеденного перерыва ещё почти час, а Таня уже бежит в магазин, чтобы купить для Сергея Ивановича всё, что он любит.

Или вот ещё, например: приходит Сергей Иванович утром на работу, а в руках у него, кроме портфеля, ещё букетик. Это значит, что у выхода из метро сегодня продавали цветы. И сейчас же этот букетик оказывается на Танином столе в баночке из-под майонеза.

И так почти каждый день.

— Ведь вы друг друга любите,— сказала как-то старший бухгалтер Роза Романовна.

— Конечно,— сказала Таня,— ещё бы нам друг друга не любить.— Он мне был когда-то как папа и мама и всё на свете.

— Если он тебе был как папа и мама, тогда понятно, почему ты в знак благодарности ему пирожки таскаешь. Но чего ради он тебе цветы таскает, вот ты что объясни.

— Как! — сказала Таня.— Неужели вы не знаете, что человек особенно любит тех, кому он сделал что-нибудь хорошее? А он мне сделал самое большое, что может быть: от смерти меня спас.

— Как же это было? — спросили сотрудники.— Расскажи.

И Таня рассказала:

О ЗИМЕ

Это была самая холодная зима. Выйдешь на улицу, глотнёшь воздуха — сразу у тебя в животе как будто кусок льда. Я сказала об этом маме, она сказала:

— Ну, не ходи гулять, деточка, ты слишком слабенькая стала.

О ЛУНЕ

И всё от этого холода окоченело. Окоченели замороженные окна. Окоченели и белые крыши; похоже было, что луна тоже окоченела, — такая она стала белая и таким от неё несло холодом. Её свет был похож на полотнища белой марли, спускавшейся с неба на землю. Поднимался грохот, завывала воздушная тревога, бомбы пробивали белую марлю и падали на наш проспект. В соседней квартире пробило крышу, мы с мамой ходили смотреть. Там паркет был разбит на узенькие щепочки, и железные брусья кровати были скручены, как проволочки, и по крышке рояля шла трещина, похожая на молнию, но вот чудо — зеркало на стене было целёхонько, только запорошено, как пудрой, штукатуркой от разбитой стены.

О ХЛЕБЕ

Я была маленькая и глупая и не понимала, почему так плохо стало всё. Почему не стало ничего вкусного и даже хлеба не хватало, чтобы наесться. Почему папа нас оставил тут, а сам уехал. Мама мне объяснила и по радио говорили, но я всё равно понимала плохо. Мама шла в булочную и покупала хлеб по карточкам: мне, ей и Эльзе Августовне, соседке, доставалось по маленькому кусочку. Свой кусочек мама отдавала мне.

— Оставь его на вечер,— сказала она как-то,— а то ты стала очень плохо спать.

Я сказала:

— Я плохо сплю, потому что холодно.

Тогда мама сделала вот что: истопила в кухне плиту и, когда дрова прогорели, устроила мне постель на плите.

Топила она плиту папиными книгами и щепочками из разбитой квартиры. В эту ночь мне было тепло и я спала хорошо. И она стала каждый вечер укладывать меня на плите. А возле меня ставила большой чайник, чтобы согреть воды к утру, потому что я разлюбила умыванья холодной водой, я очень зябла.

— Не вредно ли ей всё это? — сказала Эльза Августовна.

— Она такая слабенькая,— ответила мама.

Эльза Августовна была очень добрая. Она тоже отдавала мне свою еду и по утрам учила меня русскому языку и арифметике. Арифметика была скучная, у меня от неё болела голова. Мама сказала:

— Она такая слабенькая, куда ей сейчас учиться, успеет.

Эльза Августовна послушалась, и я была очень рада.

О СОСНОВЫХ ВЕТОЧКАХ

Эльза Августовна съездила куда-то и привезла сосновых веточек. Мама их заваривала, как чай, и мы этот чай пили.

О ЛУКОВИЦЕ

Однажды мама нашла на улице луковицу — настоящую луковицу. Мы её съели с подсолнечным маслом, это было так вкусно, что мы смеялись от радости.

— Вот бы каждый день находить луковицы, — сказала мама.

О СТОЛЯРНОМ КЛЕЕ

Один сосед, столяр, подарил нам плитку столярного клея и научил, как сварить из него студень. Студня получилось очень много, несколько глубоких тарелок.

— Хочешь ещё? — спросила мама.

Но я не захотела, потому что от этого студня было как-то очень странно во рту и в животе.

КАК УМЕРЛА МАМА

Сосед вскоре после этого умер, это было перед Новым годом, а после Нового года умерла Эльза Августовна... Я и теперь хожу на Охтинское кладбище на ту братскую могилу, где лежит Эльза Августовна. А летом сажаю там цветочки и вспоминаю, как она всем со мной делилась, а ведь ей самой каждая крошка была так нужна! Мы вот сейчас насыпаем в чай сахарный песок и даже не думаем, что три ложки песку — это, может быть, чересчур много, хватило бы двух. Нам просто смешно об этом думать, да и луковицу мы бы не подняли с земли...

А потом стала умирать мама. И всё стало совсем уже страшно, особенно белое окно по ночам, всё замёрзшее, а за окном замёрзшая луна...

А Сергей Иванович тогда был ещё далеко. Он был на своём месте, в детском доме, которым он заведовал. И в этот самый детдом через несколько дней после маминых похорон поступила я.

Меня привёл к нему доктор.

— Вот что, товарищ начальник, случай сомнительный, — сказал доктор.— Очень сильное истощение.

Сергей Иванович сидел за письменным столом и писал. У него и тогда уже были седые волосы и орденские колодочки на пиджаке.

Он спросил:

— Почему это ты так истощилась?

— Потому что фашисты морят нас голодом, — сказала я.

— О, да ты грамотная, — сказал он. — Ну, ничего, у нас поправишься.

Он позвал воспитательницу, её звали тётя Оля, и сказал:

— Эта девочка очень любит пшённую кашу, дайте ей побольше.

Она принесла на подносе миску с кашей. Я сказала:

— Оставьте мне, пожалуйста, немножко каши на потом.

— На какое это потом? — спросил Сергей Иванович.

— Я не засну, — сказала я, — если не поем перед сном.

— Ещё как заснёшь, — сказал он. — Заснёшь и будешь видеть замечательные сны. А утром придёшь сюда и расскажешь мне, что ты видела.

Но утром, когда я хотела исполнить его приказ, тётя Оля сказала:

— Куда же ты пойдёшь со сна, растрёпанная и немытая. Сначала прибраться надо как следует.

Она провела меня в умывальную, где над длинной белой раковиной бежала из кранов вода, дала мне жёсткую губку и велела обтереться с головы до ног. Вода была холодная, как лёд. Я сказала:

— Я люблю умываться тёплой.

— А где я её тебе возьму? — спросила тётя Оля.

— Надо нагреть на плите, — сказала я.

— Конечно, — сказала тётя Оля. — Вот сейчас побегу греть. Обожди, в четверг будет баня, тогда получишь тёплую воду, как все.

Она расчесала мне волосы, помогла надеть детдомовское платье из жёсткой зелёной ткани и построила нас в пары, чтобы идти гулять.

— Я не хочу гулять, — сказала я. — Холодно.

— Подожди весны, — сказала тётя Оля, — тогда будет тепло. А пока зима, конечно, холодно. В саду побегаешь, разогреешься.

Был сильный мороз, и я подумала, что мы все заболеем, но когда поиграла с ребятами в снежки, действительно стало тепло.

Вернувшись с гулянья, мы должны были по расписанию учиться. Заниматься с нами пришёл Сергей Иванович. Он сказал мне:

— Говорят, ты отказывалась идти гулять и требовала тёплой воды для умыванья. Имей в виду, эти номера здесь не пройдут. Тебя и так довели до того, что ты еле дышишь.

— Да, — сказала я, — и учиться мне тоже трудно, потому что я слабенькая.

— Ты такая, как все ребята, — сказал он, — только в тебе убита воля, ты разучилась говорить себе: я должна. Ты должна ужинать один раз, а не два. Должна мыться холодной водой. Должна учиться, чтоб назло фашистам стать грамотной и умной. Должна дышать свежим воздухом. А всё остальное — насчёт слабости и прочего — мы пошлём к чёрту, ладно? Не обращай вни-

мания на слабость, вот её и не будет. И ничего ты не слабенькая, я сам видел, как ты миску каши уплела.

Вот так он меня с моей дистрофией сразу взял в оборот. И удивительно — я стала делать всё, чего, казалось мне, не могла делать дома, при маме. Даже принимала рыбий жир.

Говоря по правде, делала я это всё, чтобы Сергей Иванович меня похвалил. Уж очень мы все его уважали. Маму я, конечно, тоже уважала, но она была привычная, своя, она была всё равно что я сама, а от человека чужого, важного, который всем распоряжается, сидя в кабинете за письменным столом, очень бывало приятно услышать похвалу. И к тому же он подкупил меня бабочками.

На стене его кабинета, между двумя книжными шкафчиками, висел ящик со стеклянной крышкой. Под стеклом на булавках сидели разноцветные бабочки. Некоторых я до войны видела на даче, как они летали, махая крылышками, некоторых даже знала по имени — капустница, крапивница,— но по большей части были такие, каких я никогда не видала, в том числе была одна с фиолетовыми глазками на крыльях и один толстый жук с рогами.

Я спросила Сергея Ивановича:

— Откуда у вас столько много бабочек?

— Я их наловил,— ответил он.— Всю жизнь ловлю и наловил. Я был меньше тебя, когда начал ловить. А некоторых мне прислали из других стран. Вот эту белую с зелёным отливом, например, мне прислали из Южной Америки. Я тому человеку послал нашу капустницу, а он мне эту красавицу. Ведь красавица, правда?

— Красавица,— повторила я, и мне стало ужасно интересно.

— Будешь пить рыбий жир,— сказал он,— я тебе её отдам в вечное владение.

— Он противный,— сказала я.

— Зато она-то какова,— сказал он.— А насчёт того, что он противный, это опять-таки кажется. Многое нам кажется, а разберёшься хорошенько,— ничего нет страшного, просто померещилось. Побольше соли на кусочек хлеба, закусила — и порядок.

И что вы думаете, он мне эту бабочку действительно подарил, она у меня дома до сих пор цела в коробочке от зубного порошка. И я цела до сих пор — выходили меня в детдоме.

Тут открылась дверь — и вошёл Сергей Иванович.

— Что это у вас, товарищи? — спросил он.— Вечер воспоминаний?

— Да,— сказала Таня,— вспомнила, какая я дохлая к вам в детдом поступила.

— Да уж,— сказал Сергей Иванович.— Привели девчонку с расшатанной волей, на всё твердит «не могу», всего боится: холодной воды боится, рыбьего жира боится, арифметики боится, спать на кровати боится, подайте ей плиту. Гулять она слабенькая, заниматься слабенькая, от всего дельного отучена. Доктор твердит: осторожно, истощение. Ну, вернули ей человеческие навыки, укрепили волю, она и потопала дальше по жизни. И вот видите, какая тут сидит — никак опять новое платье, Танюша? Молодчина, тебе к лицу.

20 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Вера Фёдоровна ПАНОВА

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ И ТАНЯ

Художник В. Гальдяев

ИБ № 1478

[illegible]

Цена 20 коп. Издательство «Малыш». [illegible]